

О главной производительной силе экономики, о мерах, принимаемых в сфере технического и профессионального образования, о поддержке рабочих кадров и повышении статуса человека труда шла речь в Обращении Главы государства к народу Казахстана, объявившего 2025 год Годом рабочих профессий. Автобиографические очерки Почетного журналиста Казахстана Сергея Борисова – пример преемственности главных качеств человека труда: профессионализма, ответственности, корпоративности, гордости за свою профессию, переходящих от первостроителей отечественных промышленных гигантов в новый век компьютеризации и высокотехнологичного производства.

Сергей БОРИСОВ

ТЕМИРТАУСКИЕ ИРОКЕЗЫ

Ну, здравствуй, Темиртау! Давненько мы не виделись с тобой, и потому я волнуюсь, вглядываясь в твои перемены. Уже который час брожу по твоим улицам, вглядываюсь в лица твоих обитателей, но никто не кинется ко мне со словами: «Здравствуй, Серёга, ты ли это»? Неудивительно, ведь столько времени прошло. И какого времени? Иных уж нет, а те далече...

Однако есть все-таки один знакомый – кинотеатр «Восток», правда, сейчас его перепрофилировали под Дворец бракосочетаний. А в былые годы в нем не только показывали кино, но и зимой, когда не работала летняя танцплощадка, устраивали танцы. Жаль, что ты неодушевленный предмет, а то бы мы с тобой вспомнили многое.

Помнишь зимы 59, 60-го годов? С мороза, с холода влетаешь в фойе и слышишь, как наверху, на антресолях, тихонечко воркует саксофон, музыканты настраивают свои инструменты, а вдоль стен, постреливая по сторонам глазками, кучкуются бетонщицы и маляры. Именно там, на танцах, я влюбился в самую красивую девочку Темиртау – Лидочку Иванцову. Ах, время, время...

Летом 60-го на пустыре, около профтехучилища, оборудовали еще одну летнюю танцплощадку. Публика постарше осталась верна своим «духовикам» с их падеспаниями и падеграсами, а продвинутая молодежь переместилась туда – на так называемую «болгарскую» танцплощадку. У болгар был великолепный эстрадный оркестр. Потанцевать под настоящую музыку, что ни говори – Европа, приезжали из Сарани, Солоничек и даже Караганды. Два последних танца перед закрытием с молчаливого согласия дружинников, которые следили за порядком на танцплощадке, завершали несколько пар чувачков и чувих. Налицо – тлетворное влияние Запада. Они отрывались по полной и, надо сказать, лабали рок красиво, публика визжала от восторга, когда партнеры перекидывали своих партнерш через головы. На болгарских танцах редко дрались, и на них не пускали пьяных.

...Если перейти трамвайные пути в сторону высокого дома, где тополя вымахали уже выше пятого этажа, и пойти в сторону базарчика, то я окажусь в 115-м квартале. Конечно, базарчика и в помине нет, всё позастроено новыми домами. Там находилась моя общага – розовая двухэтажка с балкончиком на торце и пожарной лестницей. В ней, на втором этаже, я прожил две зимы и два лета.

В комнате – пять коек впритык, маленький стол, уголок для рабочей одежды, этажерка с книгами, хозуголок с электроплиткой. Время от времени мы закупали вермишель, картошку и пытались по очереди готовить сами себе еду, но вскоре бросали эту затею и переключались опять на столовую, хотя готовили там отвратительно.

Раннее утро. Мороз замуровал окна так, что ничего не видно, и оттого в комнате полумрак. В соседней комнате проснулся Коля Галицкий. Он просыпается раньше всех.

– Орлы, солнце пятки поджарит! – стучит он нам в дверь.

Какое там солнце? Орлы слышат, но и в ус не дуют. Так не хочется вылезать из теплой постели на холод, на мороз. Вчера ходили на танцы, легли спать поздно да еще полночи после этого спорили о жизни. Галицкий – единственный белый воротничок среди нас, инженер-киповец (КИП – контрольно-измерительные приборы). Коля аккуратист – брюки всегда в стрелочку, ботинки начищены, в любую погоду и в любое время года.

Уже половина восьмого. Захлопали двери. Кто-то завизжал у умывальника – брызнули холодной водой, теплая вода для комсомольцев-добровольцев – роскошь. Раз, два, три – одновременно к потолку взлетают пять одеял. Теперь основная задача – успеть в столовую и не опоздать на работу. Облачаешься в ватные брюки, прожженные искрами электросварки во многих местах – из дыр торчит вата, такую же телогрейку, на ноги – сапоги керзачи, подпоясываешься монтажным ремнем – так теплее, на голову – обтрепанный треух.

Теперь маракуй, как лучше добраться до места работы. Можно уцепиться за борт попутной машины, но тогда нужно дежурить на перекрестке, где шоферы сбавляют скорость. Можно и на трамвае. Его недавно пустили из Соцгорода до промбазы. Бедный трамвай! Вот он бежит, тяжело охая от набившегося в него рабочего люда. Висят гроздьями из дверей, сидят на крыше. Вагоновожатая хочет пропустить остановку, но сидящие на крыше – рабочая солидарность – тянут за веревку бугеля, и вагон останавливается. Несколько десятков человек берут трамвай на abordаж и непонятным образом размещаются. Бугель опять подключают к сети – поехали дальше. Стоимость билета – три копейки. Кондуктор пытается обилетить тех, кто сидит на крыше, но куда там. «Тетья, – орет молодой веселый народ, – мы строим коммунизм, а при коммунизме всё будет бесплатно!» Вот и последний поворот – перед недостроенным заводоуправлением. Горохом народ высыпается из трамвая. Дальше – бегом.

Мы строим ПВС – паровоздушную станцию. Ее воздух, нагреваясь, будет наполнять легкие Домны Ивановны. Объект солидный, денежный, строим – с нуля, есть что закрывать по нарядам. Но есть одно «но» – проклятый железобетон. Как мы его не любим, как его трудно монтировать – то закладные части окажутся не на месте, то колонна кривая.

Бригадир Коля Ярмошук уже на месте. Он в длинном, колом стоящем на морозе брезентовом плаще, надетом поверх телогрейки, на красных от мороза щеках отплясывают искорки холода.

– Хлопцы, хлопцы, долго любим спать, – журит он опоздавших и тут же дает распоряжение.

– Вы, дядя Саша (дядя Саша Шульц, самый старей в бригаде, он наверх уже не лазит), внизу стропить будете, если машины с плитами придут – раз-

гружайте. Ты, Юрка, со своим звеном наверх... Ты, Мустафа, давай на резервуар, там еще много недоделок осталось.

Разбирают ключи, тащат сварочные кабели, кислородные баллоны. Заскрипел застывший на морозе гусеничный кран. Его хозяин Серёга Селезнев в замасленной до блеска телогрейке и таких же ватных штанах трет щеку рукавицей. Морозец что надо, градусов за тридцать будет, кусается.

Прихватив инструмент, по железным лестницам забираемся наверх. На высоте ветерок пробирает до костей. Он выдувает из нас остатки тепла.

– Что они там, уснули? Почему конструкции не поднимают?! – начинает выходить из себя звеньевой Юрка Смирнов по кличке «Богородица». – Окоченеешь от такой работы.

Может, глядя на такого, как он, поэт позже напишет: «Был он рыжий, как из рыжиков рагу». Юрка – трудоголик. Он не любит рассказывать о своей жизни. Знаем только, что он сирота. Дотошный в работе, неразговорчивый, но надежный парень.

Однажды мы вчетвером работали на бункерах аглофабрики. На заводе, как это часто случалось, разметку сделали на глазок, и болты не попадали в отверстия пластины. Юрка решил исправить эту ошибку резакком. И тогда случилось то, что встречается очень редко, но тем не менее случается – обратный удар. Загорелся кислородный шланг. Если воздух, поступающий по нему, не перекрыть, то огонь может подобраться к кислородному баллону. И тогда произойдет взрыв, не уступающий по мощности артиллерийскому снаряду. На Юрке от брызг керосина загорелись телогрейка, ватные брюки.

– Бросай резак, черт с ним! – кричали ему снизу.

Трусливый человек, наверное, так и сделал бы. Но Юрка действовал хладнокровно. Каким-то образом он сумел подтянуть шланги и пережать их. Огонь, не получив подкрепления, задохнулся. Спустя десяток лет, когда я приехал в Темиртау уже в качестве журналиста «Ленинской сменя», ребята сообщили мне печальную новость. Смирнов погиб на монтаже конвертора. Это только в кино показывают, как монтажники-высотники, строго следуя инструкции по технике безопасности, прикрепляются карабином к какому-нибудь уголку и лишь потом начинают работать. На верхотуре всё не так. Наш друг падал с большой высоты и сумел прокричать лишь одно слово: «Богородица!..»

– ...Чуть майна! – кричим крановщику. Серёга Селезнев ювелирно подводит надколонник к подкрановой балке. Его, конечно, можно было состыковать с основной колонной на земле, но тогда даже у 25-тонного крана с удлиненной стрелой не хватит силенок, чтобы опустить в «стакан» эту махину целиком. Вот и приходится состыковывать наверху.

Внизу бригадир побежал в торец стрелять по вертикали. У него глаз ватерпас – лучше теодолита стреляет. Наконец, кричит: «По полям!» Значит, можно крепить. Сварщик опускает на лицо свое забрало. Из-под электрода бьет сноп искр. Теперь слово имеет «товарищ понедельник». «Понедельник» – тяжелая кувалда с железной ручкой, на морозе липнет к рукам, как леденец. Г-гах, г-гах! Толстую крепежную пластину нужно прижать вплотную к закладной части, сварщик зазоров не любит, а она пружинит и не поддается. Наконец, надколонник стоит на месте. Теперь пока подадут новый, можно перекурить.

Пока возились с надколонником, откуда-то тепло набежало. Уже рукавицы за пояс заткнуты. Телогрейки расстегнуты, из-под них парок трудовой идет, уши шапок торчком – не пугай, мороз!

Только одну ферму установили, набросали связки – уже обед. Видим, внизу уже отправляют нарочного в буфет за едой. В столовую не сунешься – тысячная очередь, поэтому приходится подкрепляться всухомятку. Женатики

«тормозки» из дому обычно прихватывают, холостяки питаются в основном колбасой да промерзшим кефиром.

Наперегонки, со свистом и гиком скатываемся вниз по скользким ступеням сваренной из арматуры лестницы. В железном домике-будке – это наша резиденция, тропики, благо рядом коксовая батарея – топливо первоклассное. Печка огнем пышет. На общей огромной сковороде колбаса шкворчит. На столике прораб Алик Базилевский с бригадиром развернули свою стратегию – квадратные метры синьки.

Болгарин Петко за свое лечо принялся. И откуда в этом промерзшем перце калории – непонятно. Но вегетарианской пище болгарин не изменяет – говорит, привычка. А мы считаем, что эта привычка карманом скорее всего продиктована – болгары, в отличие от нашего брата, на всём экономят. Темиртауская зима Петко явно не по нутру – это тебе не Пловдив.

Быстро отобедали, заполировали жареную колбасу обжигаящим чаем, там, наверху, тепло в желудке еще как пригодится. Заухал стол под мощными ударами домино. Селезнев притащил ворох газет, он их собирает, где может. И что удивительно, выуживает объективную информацию между строк. В те времена Советский Союз понесся в космос. Что ни день что-нибудь запускали: то спутники, то ракеты. В газете указывались координаты мирового океана, куда должна упасть головная часть ракеты. А Серёга однажды возьми да и засомневайся: «Нет, эта не долетит, как пить дать не долетит». Мы его, естественно, на смех подняли: «Тебе что, Главный Конструктор на ухо во сне шепнул?» А Серёга стоит на своем: «Гад буду, не долетит, нутром чую». Кто-то поспорил с ним на бутылку. И проиграл. На следующий день та же газета поместила информацию в самом неприметном месте маленькими буквами, мол, сбилась ракета с курса и не достигла заданного района. С тех и прозвали Селезнева «предсказателем».

Серёга воевал, историю его полка мы знаем наизусть. А он каждый раз всё новые детали подкидывает. «Да я однажды самого Жукова вот как тебя видел. Головастый, шея короткая, как повернется, как зыркнет из-под своей маршальской фуражки, так сердце в пятки уходит даже у генералов». Или вот еще одна байка, рассказанная Серёгой: «Немецкие генералы, ну, те, кто остался в живых, так до конца своей жизни и не пришли к единому мнению, как же это мы их в войне переиграли. Генерал Зима, генерал Мороз – это всё не то. Так вот, в Берлине это случилось, в логове фашистского зверя. Подъезжает в мае 45-го к рейхстагу один лихой шоферюга. Поставил свой “Зисок-5” с открытой кабинкой и побежал расписываться на этом самом рейхстаге. Немцы в подвалах сидят, бояться нос высунуть. А любопытство берет, как-никак, техническая нация. Что за агрегат такой в Берлин прикатил диковинный? Кузов деревянный, кабина из фанеры, крылья тоже. Самые любопытные, преодолев страх, решили даже под капот заглянуть: а может, и мотор у этих русских из сибирской сосны выструган? Иначе как они могли нас победить?»

Как-то надоело Алику Базилевскому Серёгино балагурство, и он прогнал его с работы. Тем более что кран Селезнева был на ремонте. Серёга подтянул покрепче ремешок на своей промасленной телогреечке и потопал домой. Где-то через полчаса подкатывает к нашей «резиденции» желтая «Победа», новенькая, словно с конвейера. И вылезает из нее «крупняк», так мы называли тогда больших начальников. Не иначе как из какого-нибудь московского главка. На ногах белоснежные бурки, шапка и воротник пальто из дорогого генеральского руна. Вылез, достал из коробки дорогую папиросу, в руках разминает. Тут откуда-то начальство набежало, обступили «крупняка», но держатся на расстоянии, докладывают, так, мол, и так, строим агломерационную фабрику. А в этот момент совсем рядышком, метрах в двадцати, из печи коксо-

вой батареей очередная порция спекшегося кокса вывалилась – дохнуло такой жарницей и химией, что все, чтобы не задохнуться, повернулись от коксохима спиной. И тут с заднего сидения начальственного лимузина, покрытого белоснежными чехлами, соскользнуло тело – кого вы бы думали – нашего Серёги. И стало у машины, переминаясь с ноги на ногу. У Алика Базилевского – глаза квадратные. «Вот своего старого знакомого встретил, решил подвезти, – сказал большой начальник, показывая на Серёгу. – На уральской Магнитке был я у него в учениках. Строгий был учитель. Смотрите, не обижайте его. Ценный товарищ». «Да вы что, – загалдели начальники, – мы его чуть ли не на руках носим, премиями отмечаем!» С неделю после этого Серёга ходил гоголем на стройке.

Но вернемся в нашу послеобеденную железную резиденцию, где в дальнем углу Юрка Мустафа (его дальний пращур, запорожский казак, привез из крымского похода турчанку, оттого и фамилия такая) с бригадиром спор затеяли.

– Мы т-такой цех в Жданове за д-две недели по-остроили, – чуть заикаясь, кипятится Мустафа. – Не веришь? Щоб я пропав.

– Разогни, – показывает ему свой указательный палец бригадир. О, это знаменитый палец! Еще молодым монтажником Коля падал во время большого бурана из башенного крана, где работала его будущая жена. С тех пор у него указательный палец вопросительным знаком смотрится и служит бригадным эталоном качества. Гайка где не поджата, сварочный шов не в елочку – бригадир не шумит, нотаций не читает, а только свой вопросительный перст покажет – и всё понятно без слов. Значит, «двойка» за работу, переделывай. Совестьливый у нас «бугор».

У самой двери расположился Коля Маракин из Оренбурга по кличке Воздухоплаватель. Его вытурили за какую-то проказу из лётного училища, и теперь он при каждом удобном случае всех просвещает про шасси и фюзеляжи. На сей раз ему попался Андрюха Захаров – дитя южноукраинских прерий. Андрей самый здоровый парень в нашей бригаде, воловья сила кроется в его высокой жилистой фигуре. Кислородный баллон с земли на плечо запросто кидает. Верхотура для Андрюхи – родная стихия. Он первым лезет вверх, последним спускается. Страх ему неведом – носится по узеньким балкам, словно нет под ним многометровой высоты. Володя Ершов – питерец, в книгу уткнулся – учится в заочном институте. Ему не до досужих споров – он грызет сопромат.

Первым поднимается бригадир: «Хлопцы, как говорится, хватит лясы точить, вон как у печки разопрели. Прогрессивка горит, а скоро наряды закрывать». Ну, насчет нарядов это он так, для проформы сказанул. Сделано за месяц немало, другие бригады в бураны дни активировали, а мы работали как черти, штурмующие небо. Соседи по этому случаю Ярмошука подначивали: что, хотите все деньги забрать? При чем здесь деньги? Мы просто до работы злые.

После обеда успели еще одну ферму закинуть наверх, и даже плиты уложить. Короток зимний день. Сверху видно, как другие бригады стали свое хозяйство сворачивать, а у нас всё давай да давай. Тут уж Селезнев взмолился: «Шабашьте, мне уже не видно куда подавать».

Так прошел один рабочий день одной бригады. Всего один день. О нем я вспомнил немало лет спустя, сидя на куске трубы у той самой ПВС – паровоздушной станции. Станция имела давно обжитый вид. Отсюда мощные ленинградские компрессоры по большим трубам гнали воздух, чтобы легко дышалось домне. Было приятно, что эта станция построена мною и моими друзьями и еще долго будет служить людям. И уже хотя бы потому наша жизнь прожита не зря.

КАК МЫ СПАСАЛИ РУДНЫЙ ТРАКТ

Жил я тогда, хоть и недолго, в общежитии в 78-м квартале. Она славилась дурной репутацией – вечерами гульба, игра в карты, куча приклатненных с фиксами и в татуировках. Но, слава Богу, спать было где – и то ладно. И вот однажды меня, дрыхнувшего после второй смены, разбудила дежурная и сказала, что звонил бригадир, который велел строго-настрого выйти на работу так же во вторую смену, но уже на другой объект – рудный тракт. Я удивился дважды. Во-первых, я не такая уж высокая персона, чтобы получать телефонограммы. А во-вторых, при чем здесь рудный тракт, мы ведь работаем на ТЭЦ, а там еще работы – хоть отбавляй. Но с бригадиром – «бугром» спорить себе дороже, «бугор» на стройке для простого работяги – и царь, и бог, и отец родной. Наспех перекусив, стал облачаться в монтажные доспехи. Дошло дело до сапог, и тут – о досада! Так как батареи в общежитии еле теплились, ночью промокшие за день сапоги мы сушили весьма оригинальным способом, голь на выдумку хитра. Включенную лампу киловаттку засовывали в перевернутую табуретку и обкладывали ее сверху и по бокам промокшей обувью. Этот способ имел один существенный недостаток – ночью время от времени сапоги нужно было перекаптовывать, но Морфей в ту ночь так крепко держал меня в своих объятьях, что я нарушил технологию сушки, и был за это жестоко наказан. Носок правого сапога от жары деформировался так, что все мои усилия затолкать туда ногу не давали желаемого результата. Я пытался размочить сапог водой, бил его гантелями, но носок, хоть плачь, упрямо возвращался в принятое от жары за ночь загнутое положение. Чтобы сапог не сваливался в процессе ходьбы, я, затолкав в него ногу до предела возможного, крепко перетянул проволокой и, опираясь на подобранную на улице суковатую палку, поковылял на работу.

От остановки трамвая до рудного тракта километра два – до этого я проделывал этот путь не раз – пятнадцать минут быстрой ходьбы. Но в этот раз всё было по-другому. Каждый шаг в «испанском сапоге» давался с трудом. Вдобавок ко всему с неба повалил снег, с дальнейшим переходом в метель – типичная темиртауская погодка. Короче говоря, на смену я безбожно опоздал. При виде меня у Коли Ярмощука, моего бригадира, по природе в общем-то благодушного человека, уже было готово сорваться с языка крепкое словцо. Но узрев, что я опираюсь на палку, он с неподдельной тревогой спросил: «Что с ногой»? Узнав причину моей хромоты, Колька повеселел – он дико ненавидел больничные листы. «Ну, это дело поправимо», – сказал он. Быстренько метнулся в каптерку и достал из своего заглазника (не поверите) новенькие, еще ни разу не надеванные яловые сапоги. А яловые сапоги, я вам скажу, это не какая-то гнилая кирза. Я тут же их примерил – припелись как раз впору. Хотел было рассыпаться в благодарностях, но бугор оборвал мои телячьи нежности: «Ты что, ничего не знаешь?»

И только тогда я огляделся вокруг: батюшки светы! Картина, которую я увидел, запомнилась на всю жизнь. Снежная круговерть, прорезываемая острыми лучами прожекторов, и – горы искореженного металла, бетонных плит, арматуры, механизмов, транспортерных лент... Это всё, что осталось от двух обрушившихся пролетов рудного тракта. Беда случилась еще вчера вечером, когда после короткой оттепели ударил сильный мороз. Как объяснили нам позже наши инженеры, чаще всего подобные катаклизмы происходят при резких перепадах температур. Во время обрушения галереи погибли два сварщика, которые заваривали поврежденную летку. Через пару дней их трупы, раздавленные в лепешку, мы отыскивали, разбирая развалины. Зрелище, скажу я вам, не для слабонервных. Если бы обрушение произошло не во время перемены, погибших могло бы быть значительно больше.

Колька собрал бригаду и двинул речь: «Хлопцы, задача, значит, перед нами поставлена такая: через три месяца здесь должна быть готова в металле

новая галерея. И мы не уйдем отсюда, пока ее не смонтируем. Иначе сорвем пуск домны. А за это по головке не погладят. Поэтому забудьте о выходных, отпусках, больничных листах, забудьте о длинных перекурах с дремотой».

Что такое рудный тракт? Это «пуповина», которая питает Домну Ивановну. В сутки эта громадина поглощает по несколько эшелонов кокса, железной руды, известняка, короче, шихты. Непрерывно, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год – до полной остановки домны. Рудный тракт начинается далеко от домны, с вагонопрокидывателя. Туда приходят вагоны с сырьем. Из перевернутого вагона шихта сыпается в огромный бункер, а отсюда по транспортерным лентам, закупленным, кстати, за валюту в Японии, по подземным галереям – пять километров длиной, «бежит» до скиповой эстакады домны. И вот эта «пуповина» оборвалась. Было предложение временно доставлять шихту на рудный двор самосвалами, но от него отказались, так как для этого потребовалось бы задействовать несколько автоколонн большегрузных машин. Поэтому было принято решение обрушившуюся часть рудного тракта восстановить, и как можно в кратчайший срок. Все лучшие монтажные и строительные силы были брошены на этот объект. В том числе и наша бригада.

Дни и ночи мы растаскивали по степи пришедший в негодность овеществленный человеческий труд. Со временем до нас начали доходить слухи о возможных причинах обрушения транспортной галереи. Сначала говорили об усталости металла. Но о какой усталости может идти речь, если галерея проработала, да и то со щадящей нагрузкой, всего лишь несколько месяцев. Она была изготовлена по новой, самой современной на то время сварочной технологии, разработанной на Украине академиком Патоном. Таким методом в Киеве был построен новый пролет моста через Днепр, об этом даже писали в газетах. До этого подобные конструкции изготавливались методом клепки. Стали грешить на сварщиков, мол, некачественно сварили. Те возмутились – такого не может быть, каждый шов проверялся рентгеном, рядом со швом каждый сварщик ставил свое персональное клеймо. Специальная комиссия ощупала руками каждый шов, сделанный сварщиками «Казстальконструкции», но не обнаружила не то что разрывов металла по сварному шву, но даже трещин. Воспрянули духом «золотые» наши сварные, будь иначе – им бы не поздоровилось. Потом появилась другая версия, вроде того, что в металле, из которого были изготовлены конструкции, были обнаружены лишние доли процента то ли серы, то ли фосфора, то ли углерода.

Только совсем недавно я узнал, что изготовитель ферм – Макеевский завод металлоконструкций (Украина) – был не виноват. Перед тем как приступить к изготовлению заказа для Темиртау, макеевцы запросили заказчика, устраивает ли его мягкая сталь, из которой будут изготовлены столь сложные конструкции. Заказчик, не вникнув как следует в суть вопроса, дал добро. И вот из-за зевка какого-то снабженца случилась большая беда.

...У нас начались горячие денечки: стали поступать из далекого Донбасса металлоконструкции для новой галереи. Приходили они частями, с длительными перерывами, без сопроводительных чертежей. Обжегшись на сварке, конструкцию решили укрупнять старым проверенным дедовским способом – методом клепки. Завезли горы заклепок, специальные жаровни для их нагрева, кокс, но опытных клепальщиков не нашлось. И пошла морoka: то перекалят заклепки, то не нагреют их до нужной температуры. Ну и, естественно, мат-перемат. С планерок бригадир возвращался злой как черт. Там его, что называется, и в хвост, и в гриву. Почему работа стоит, почему сроки срываются? Оказывается, у самой Москвы этот объект на контроле.

Эта возня с заклепками запомнилась мне еще и потому, что из-за них меня чуть не покалечило, если не сказать больше. А дело было так. Одну пе-

режженную заклепку, уже обжатую, забраковали и решили удалить. Лучше всего это делать с помощью автогена, но его под руками не оказалось, и ее решили срубить зубилом. Удар кувалдой по зубилу был неточным и «срезал» от шляпки заклепки лишь маленький острый кусочек металла, который впился мне точно в висок. Я случайно по каким-то делам пробежал (именно пробежал) мимо. Благодарю Бога, мрачно шутили наши бригадные остряки, что кувалдой по зубилу бил не Коля (был у нас такой здоровенный мужик). На следующий день я с перебинтованной головой был уже в строю. Наш бригадир уж очень не переносил больничных листов, да к тому же связанных с нарушением техники безопасности.

Намучившись с заклепками, решили все-таки фермы варить. А время торопило, закончилась зима, наступила весна – а с ней пришла непролазная грязь. А темиртауская грязь, я вам скажу, особенная: коричневого цвета, липучая, в ней всё тонет и вязнет, ее ничем не отдерешь. Чем ближе работа близилась к завершению, тем острее вставал вопрос: как поднять эту многотонную махину (представьте себе пролет железнодорожного моста) и установить на высокие опоры? Проще всего это можно было сделать с помощью мощного башенного крана, но на его установку и монтаж ушла бы уйма времени. Да и где его возьмешь, такой кран? На всей стройке был один такой, и то на строительстве домны. Оригинальную идею – поднимать конструкцию с помощью гусеничного крана с удлиненной стрелой и наклонной мачты-деррика – предложил начальник нашего третьего участка Владимир Рудольфович Клейн. Таким способом за неимением другой техники монтировали домны на уральской Магнитке в 30-е годы. Комбинированный подъем крупногабаритной тяжелой конструкции вообще представляет большую сложность. Тут всё нужно учесть – вынос стрелы, мощность лебедки, грузоподъемность крана, синхронность подъема и т. д. Клейн – немец, усики под Чаплина, говорили, что всю войну он отгрубил в закрытой шарашке. Матершинник, но технарь от Бога, авторитет непререкаемый.

Наконец наступил долгожданный день подъема. Понаехала уйма начальства. Клейн всей этой свите выставил жесткое условие – никаких подсказок со стороны во время подъема конструкции, никаких тебе давай, давай. Четко объяснил всем участникам подъема их обязанности и функции.

Меня поставили на лебедку. Устройство не ахти какое сложное, но и там свои тонкости есть. Ну, с Богом! Прозвучала команда: вира помалу! Потихоньку перевожу баранку контролера вправо. Загудел электромотор, лебедка стала наматывать на барабан сантиметр за сантиметром новенький стальной трос. Вот уже ферма оторвалась от шпальной клетки, вот ее уже поставили на попа, вот уже она медленно поползла горизонтально, без перекоса, вверх. Видя, что всё идет нормально, начальство, собравшееся на пригорке, радостно оживилось. Но, не говори гоп!.. Когда до места установки конструкции на макушку пилона оставалось метра полтора, сверху на землю что-то громко посыпалось. Какой-то металлический горох. Все оцепенели. Моя лебедка прямо-таки взвыла от напряжения и встала на дыбы. Первым опомнился Клейн. «Стоп вира!» – заорал он и кинулся туда, где сверху что-то упало. Я – контролер на ноль. Крановщик на другом конце фермы по команде тоже прекратил подъем.

Первое время никто не понимал, что же все-таки произошло. Когда осознали, всем стало плохо. Оказалось – и об этом первым догадался Клейн – полетел подшипник на головном блоке полиспаста. Ситуация становилась патовой. Теперь конструкцию нельзя было ни поднимать, ни опускать. От того, что блок заклинило и его колесико не крутилось, трос в случае подъема или спуска мог перетереться и оборваться в любой момент. Вся конструкция при этом могла рухнуть на землю и опять превратиться в груды металлолома. Но

и оставлять надолго ферму в таком висячем положении тоже было опасно – а вдруг не выдержит лебедочный трос? Тогда и крану хана, его стрела может сломаться... Что делать? Вот тут-то у всех и «заиграло очко». Загалдели руководящие мужи на пригорке, каждый предлагал свой способ решения нелегкой задачи. На Клейне – лица нет, месит грязь туда-сюда, папиросой дымит, хотя до этого не курил. Тревожно тянутся секунды. Наконец – эврика! Сумрачный немецкий гений вновь оказался на высоте, решение найдено, хоть и рискованное, но все вынуждены были с ним согласиться, другого выхода в этой ситуации просто не было.

Вижу, Клейн, дав какие-то указания крановщику, резко направляется ко мне. «Сынок, – говорит он, да так ласково, – сейчас тебе принесут ведро с солидолом. Сможешь забраться наверх до колесика полиспаста?» – «Что за вопрос?» – «Твоя задача: обильно натолкать по всей окружности колесика, по которому проходит трос, этот смазочный материал. Чем обильней ты смажешь это проклятое колесико, тем легче будет скользить по нему трос. Уже не крутиться, а скользить, а смазка уменьшит трение. Закон физики, уразумел?» – «Да вроде». – «Ну, тогда давай, сынок, выручай, на тебя вся Магнитка сегодня смотрит». – «Ну, раз Магнитка!»

Минут через десять, измазанный солидолом почти по локти (пришлось сбросить рукавицы), я опять стоял за своей лебедкой. Опять вира помалу. Постепенно увеличиваю обороты, бедная лебедка прямо-таки застонала, трос натянулся, как струна, из него закапало масло. Ну, не подведи, милая! Медленно, нехотя, ферма сдвинулась с места и сантиметр за сантиметром поползла вверх. Через какое-то время раздалось оглушительное «ура!» Конструкция стала на место.

По случаю удачного подъема начальство выставило бригаде ящик водки. Но я свою заслуженную порцию так и не выпил – поташнивало и без нее, а руки дрожали от нервного перенапряжения.

* * *

Сегодня ветераны Магнитки порой вспоминают трудности строительства пятидесятых-шестидесятых годов. Вспоминаю их и я – и бытовые неустройства, и недостатки в снабжении, в организации труда, и аварии, рождавшие страшную штурмовщину. Но если говорить о так называемом «человеческом факторе»... Всё перекрывала наша молодость. Я вспоминаю, что за всё время работы на монтаже у меня лишь один раз был легкий насморк. Работалось легко, весело, с удовольствием. И потому, читая сегодня в пожелтевших подшивках старых газет бодрые праздничные рапорты наших бригадиров, я скажу: всё это правда. И трудности – правда, и победы – правда.

Нам легко и с удовольствием работалось, может быть, еще и потому, что профессия монтажника-высотника в то время была окружена ореолом мужества и романтики. Нас называли небожителями. И мы, гремя своими монтажными цепями, страшно гордились этим. Где-то я читал, что самые высотные работы в Америке выполняют выходцы из племени ирокезов, которых бог забыл наделить чувством страха. Мы были темиртаускими ирокезами. Чтобы построить металлургический комбинат, такой как в Темиртау, потребовались тысячи и тысячи тонн металлоконструкций. Большинство из них смонтированы монтажниками треста «Казстальконструкция» Минмонтажспецстроя КазССР – «стальколяски», как мы ее ласково называли. Руками прекрасных, веселых, мужественных ребят. Я был один из них, и это были лучшие годы моей жизни. Через три с половиной года, когда я уезжал на учебу в университет, в моей трудовой книжке были записаны две специальности: монтажника-высотника и сварщика.